ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

СТРАНСТВИЕ ЗЕМНОЕ

РИФМА

ПАРИЖ

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

СТРАНСТВИЕ ЗЕМНОЕ

РИФМА
ПАРИЖ
1951

ОТ АВТОРА

В этот сборник я включил 20 стихотворений из числа написанных в 1944-1949 г.г. и 4 стихотворения прежних лет в новой редакции.

Бьет полночь. Все люди уснули,
В лесу и в горах тишина.
Глубокою ночью, в июле,
На небо смотрю из окна.

Высокие, синие звезды,
Мерцание дальних миров,
Высокий торжественный воздух,
Невидимый Божий покров

И счастье и мир надо мною,
Но как успокоиться мне —
Природа?... А сердце земное,
Как грешник горит на огне.

Утром, в ослепительном сияньи,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознанье
Вдруг становится доступным мне.

«Господи, — твержу я, — как случайны
Те слова, в которых благодать,
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять твои лучи.
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи.

Поэт рассказал в изумленьи
Про музыку сфер голубых,
Про ангела чудное пенье
В безбрежных просторах ночных.

Есть в каждом из нас эти звуки
И отблески райского сна;
В печали, в болезни, в разлуке
Небесная сладость дана.

Среди расцветанья и тленья,
Весною, при полной луне,
Былинки ничтожной движенье
Понятным становится мне.

К чему на земле это чудо?
Не лучше-ль остаться глухим?
Но музыка льется оттуда
И жертвенный стелется дым.

Ропот, надежда, восторг, сомненье,
Вера, отчаянье, гнев, хула,
Смутное счастье и смутное пенье,
Вечная смена, утрата, забвенье
Меры добра и зла.

Если-б могло это стать по другому,
Если-б могли мы наверное знать,
Если-б с пути возвращались мы к дому,
Если-б не так, в пустоте, по земному
Было дано умирать.

В колодец с влагой ледяной,
В глубокий сон воды безмолвной,
Осколок, брошенный тобой,
Врывается, движенья полный.

Он с плеском падает глухим,
Сверкает вихрем брызг летящих,
И гладь, разорванная им,
В кругах расходится блестящих,

Вскипает звонкою волной;
Но истощается движенье
И на поверхности покой
Сменяет гневное круженье.

А там, на самой глубине,
Куда ушло волны начало,
На каменном упругом дне
Она еще не отзвучала

И не исчезла без следа.
И долго, затаив дыханье,
Обиды не простит вода
В суровом холоде молчанья.

РОМАНТИКА

1

Когда мы счастия не ждали,
Любовь нечаянно пришла
И огорченья и печали
Гирляндой роз перевила.

Мир озарился новым светом,
Прохладная дохнула тень,
И всем таинственным приметам
Счастливый улыбнулся день.

Пел соловей в кустах сирени,
Пар поднимался от земли,
Когда, средь радостных видений,
Дорожкой мы садовой шли.

И ты, лицо свое склоняя
К плечу любимого тобой,
Казалась мне виденьем рая
Средь нежной прелести земной.

2

Наклонялась ты, сбирая
Свой букет из васильков,
В летнем небе мчалась стая
Белоснежных облаков.

Рожь высокая шумела,
Ивы гнулись у реки.
Средь стеблей движенья белой,
Нежной девичьей руки,

Ста́н и платье голубое,
Шеи девственный наклон —
Все, что связано с тобою,
Все, во что я так влюблен.

3

Тени темные роняя,
Звонко тополи дрожат,
Гулко в доску ударяют
За оградой сторожа.

И холодный вихрь осенний
Рвет с ветвей средь темноты
И кружит, как привиденья,
Пожелтевшие листы.

Выйдем ночью на дорогу:
Осень поздняя в саду,
Зверь ушел в свою берлогу,
Рыба спряталась в пруду.

Скучно, страшно до рассвета —
Кто там ходит под окном?
Далеко умчалось лето
На коне на вороном.

Но, часов покорен бою,
Милую целуя прядь,
Я люблю вдвоем с тобою
Звукам осени внимать.

4

Руки хладные в награду
У камина отогрев,
Прочитаем мы балладу
Про «Двенадцать спящих дев.»

На дворе мороз веселый
И, как войско на врага,
Белый рой снежинок-пчелок
Вьюга сыплет на снега.

Верь мне, милая подруга,
Что, ведомые судьбой,
В мире мы нашли друг-друга,
Небом связан я с тобой.

И горят для счастья свечи
Путеводною звездой
И окутывают плечи
Светотканною парчей.

Поднимается ветер сухой и холодный,
Листьев желтые груды шуршат, как прибой,
По асфальту скользя, и над пропастью водной
Наклоняется к озеру тополь сухой.

Осень, осень, любимое время поэтов,
Догоранье над городом смутной зари,
Запах яблок и кофе, мерцание света,
В полутьме и в тумане вверху фонари.

Я люблю, по парижски закутавши шею
Черным, в крапинках, шарфом, без цели итти
Вдоль опавшего парка, где бледные феи,
Улыбаясь прохожим, стоят на пути.

Я смотрю, как прекрасны старинные зданья —
Романтический, прошлого века наряд,
Я читаю в них отблеск любви и страданья,
Повторяя чужую строфу наугад.

Тут Верлэн проходил, здесь Леконт жил когда-то
Жизнь становится сном, все как будто во сне,
А над крышами, в небе, как черная вата,
Тучи медленно движутся к сонной луне.

Выйду в поле. На шоссе все то-же.
Изредка мелькнет велосипед.
Вновь такой-же, со вчерашним схожий,
Вечер, полумрак и полусвет.

Фонари автомобилей, звезды,
Грусть о тех, которых не вернуть,
Тихий и прозрачный летний воздух
И кремнистый лермонтовский путь.

Снится мне: за грани туч прекрасных,
За ограды всех миров иных,
Музыкой таинственной и страстной
Ввысь летит дыхание земных,

И, росой вечерней ниспадая
На траву и пыльные кусты,
Хрупкой влагой, не достигнув рая,
Падает на землю с высоты.

Помолимся о том, кто в тьме ночной
Клянет себя, клянет свой труд дневной,
Обиды вспоминает, униженья,
В постели жесткой лежа без движенья,
И перед ним два призрачных пятна —
Окно и дверь, холодная стена...
Больнее нет обиды — униженья.

Помолимся о том, кто в час забвенья
И отдыха — без отдыха, без сна,
Всю ночь, перед бутылкою вина,
Над грубой незапятнанной бумагой
Склоняется и дышит грустной влагой
Морей незримых, слышит шум времен:
Пусть к небу темное лицо поднимет он,
Пусть свет увидит он, пусть будет так, как надо.

Помолимся о том, кто у ограды
Иль в опустевшем доме у окна
Заране знает — не придет она.
Еще помолимся мы о страданьи,
О радостях, о горе, о желаньи,
О звездах, о Венере, о Луне,
О грешниках, пылающих в огне;
Помолимся о подлых и преступных,
О нераскаянных и недоступных,
О самых гордых гордостью земной.

Но как молиться о душе такой,
Ни с кем в своем несчастьи несравнимой, —
О том, кто знает, что в глазах любимой
Безвыходная скрыта пустота,
Кто ранен совестью, в ком нищета,
Кто мог бы все — и заградил уста, —
Такое горе — неисповедимо.

ПСИХЕЯ

1

Когда ты на землю летела,
Полетом и счастьем горда,
Вечернее небо темнело,
В реке замерзала вода.

И сдержанность музыки пленной,
Что в звездах звучала тебе,
И ропот стихий вдохновенный
В твоей отразились судьбе.

Ищи же разгадку несчастья,
Не плачь и не спрашивай нас,
Не надо ни мира, ни счастья
В последний оставшийся час.

Но, к небу глаза поднимая,
Заветную тайну узнай:
Прозреет Психея земная,
Вернется в потерянный рай.

2

Ах, эта сказка так известна
И столько раз повторена:
В земном кругу, скупом и тесном,
В тюрьме душа заключена.

Но, может быть, не заключенье,
А весть блаженная земле
Твое чудесное сниженье,
Твое скитание во мгле?

Скользи же странницей слепою,
Лети сюда под темный свод,
Где звезды радостной толпою
Сестры приветствуют полет.

3

Про самую чудную тайну
Случайно мы все узнаем,
Во сне узнаем мы случайно
Преданье о мире ином.

Полна несказанного знанья,
Блаженным волненьем дыша,
Вся — радость, вся — слух, вся — желанье,
На родине снова душа.

Но счастья и памяти странной
Лишь отблеск она унесет,
В земные печальные страны
Обратный свершая полет.

Наутро, почти без сознанья,
Психея проснется темна
И в зеркало мира — страданье —
Глядит с удивленьем она.

Выхожу на дорогу с тобою,
Милый друг мой, мы вместе идем.
Плачет ветер, подобно гобою,
Туча вновь угрожает дождем.

Под таинственным небом деревья
Спят в тумане и сон их глубок,
Сон их — древность, костры и кочевья,
Дальний путь и тропа на восток.

Вот, лицо к твоему приближая,
Слышу ветра каспийского звон,
Вот, земля зацветает чужая
Пестрым станом шатров и знамен.

А вокруг — тишина полевая.
Сядем тут, над ручьем, у креста.
В летний вечер вода ключевая
Так прозрачна, легка и чиста.

А. С. Шимансклй

ЛАСТОЧКА

Ласточка нежная носится, носится
В воздухе светлом вечером летним,
Кружится в небе, стрелою проносится
Над колокольней тысячелетней.

Колокол медный, колокол древний
Дня окончанье нам возвещает.
Тихо над Сеной. Пахнет деревней,
Свежей травою, сеном и маем.

Черная ласточка с белою шейкой,
Как хороша ты сейчас такая:
Падаешь низко, скользишь над скамейкой,
В небо опять беззаботно взлетая.

Вестница счастья, вестница лета,
Вестница вечера, друг созерцателя,
Стань мне подругой вечернего света,
Нежной сестрой в небесах у Создателя.

КОТ

Ленивый, ласковый, пушистый,
Глядит, прищурившись на свет,
Зеленоглазый, серебристый
Любимец неги и поэт.

Упруго тело выгибая,
Встает с ковра, выходит в сад:
Ему тропинка — сень лесная,
Иль благодатный вертоград.

Припал, тревожим тенью птичьей,
В траве — и вот передо мной
Природы древнее величье,
Чудовищ допотопных бой,

Тоска потерянного рая,
Глухие жалобы Творцу,
А кот, концом хвоста виляя,
Лукаво крадется к скворцу.

Вечности язык суровый —
О беде, о нищете,
Смутный, странный, вечно-новый
Шопот, шорох в темноте.

Как понять его, не знаю,
Но, в магическом кругу,
Слушаю, припоминаю
И припомнить не могу.

Может быть, для дружбы вечной
Мир невидимый дает
Этот знак мне, стук сердечный,
Крыльев медленных полет?

Или горе, угрожая,
Шлет предчувствия ко мне,
Или смерть во двор въезжает
На худом своем коне?

Нет больше ни сил, ни желанья,
Все прошлое стало чужим,
Темнеют вечерние зданья,
Над крышами стелется дым.

В душе так торжественно пусто,
Светло и просторно кругом;
Сегодня слова Златоуста
Мы в книге старинной прочтем.

Сегодня хочу усладиться
Печалью размеренных строк.
Осеннее солнце садится,
Летят журавли на восток.

Был ангел послан эту душу взять
И в небо унести ее опять,
В страну, где нет печали и страданья.
И ангел тенью пал на мирозданье
И умер я и перестал дышать.

Тогда водитель-дух, с заботой нежной,
Крылом закрыл любезный мне порог
Земли — всей красоты ее безбрежной,
Которую велел оставить Бог,
Порог земли, прекрасной и мятежной.

Безмолвие, простор и тишина
Сменили шум встревоженной вселенной
И медленно, с ресниц, земного сна,
Теснима слепотою вдохновенной,
За пеленой спадала пелена.

Но ангел молвил: «Воля вечной Силы —
Здесь — область тени, той, что разделила
Земные и небесные дела...
— «О, неужели смерть — такая мгла?»
— «Преддверие.»
Но темнота слепила.

И ринулись мы в темноту, и вдруг
Краса иных миров очам предстала;
Я сделался весь зрение и слух,
А вестник смерти, вечный, верный друг,
От глаз тогда откинул покрывало...

Все — только сон, — и никого вокруг.

Несется в пустоте земля,
Кружась, в пространстве звезды мчатся, —
Как восхитительно качаться
Цветку на высоте стебля!

Подобный огненному чуду,
Горит над Альпами восход.
Пастух, пришедший с гор оттуда,
Над светлым озером поет.

Счастливое существованье,
Рай, данный нам, рай милый наш!
Певец, о нем воспоминанья
Ты, все равно, не передашь.

Но этот голос на восходе —
Все звонче, все прозрачней он.
Какая тишина в природе,
Как озарился небосклон!

Л. Л. Домгеру

ПАНТИКАПЕЯ

Сияющая, мраморная, в воду
Нисходит пристань кругом, как венец.
Привязанные лодки на свободу,
Качаясь, рвутся с бронзовых колец.

Вверху амфитеатром синим горы
Теснятся в небо и Тезеев храм
Готов принять процессии и хоры,
Идущие к аттическим богам.

Эллада в скалах Таврии нетленна
И корни лоз и рыба в глубине,
Забывши обо всем, что современно,
Классической покорствуют весне.

Пантикапея древняя, тебе ли
Я песнь размером варварским пою
В стране, где грек, играя на свирели,
Умел прославить родину свою.

По утрам читаю Гомера —
И взлетает мяч Навзикаи,
И синеют верхушки деревьев
Над скалистым берегом моря,
Над кремнистой узкой дорогой,
Над движеньями смуглых рук.

А потом выхожу я в город,
Где, звеня, пролетают трамваи,
И вдоль клумб Люксембургского сада
Не спеша и бесцельно иду.
Есть в такие минуты чувство
Одиночества и покоя,
Созерцания и тишины.
Солнце, зелень, высокое небо,
От жары колеблется воздух,
И как будто-бы все свершилось
На земле, и лишь по привычке
Люди движутся, любят, верят,
Ждут чего-то, хотят утешенья,
И не знают, что главное было,

Что давно уж Архангел Божий
Над часами каменной башни
Опустился — и вылилась чаша
Прошлых, будущих и небывших
Слез, вражды, обид и страстей,
Дел жестоких и милосердных,
И таких-же, на полуслове,
Словно плеск в глубоком колодце,
Обрывающихся стихов...

Полдень. Время остановилось.
Солнце жжет, волны бьются о берег.
Где теперь ты живешь, Навзикая? —
Мяч твой катится по траве.

ДЕВОЧКЕ

О ласточке, о мышке, о лисичке
Хотел-бы я с тобой поговорить.
Сплетают гнезда на деревьях птички,
Паук ведет серебряную нить.

А ты, с утра, большому солнцу рада
И чашечкам цветов удивлена;
Моя пора — как зрелость винограда,
Твой каждый день — весна, всегда весна.

Скликает стадо дудочка простая,
А пастухам иной поставлен срок:
И жизнь не та, когда мы выростаем,
И злые годы едки, как песок.

С озаренного востока
В ширь раскрытого окна
Свет вливается потоком,
Дышит и шумит весна.

Господи, какая сила
В новом возвращеньи дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

И вдыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

В ДЕНЬ ПОКРОВА

I

Как звезда над снежными полями,
В августе — над золотом садов,
В ночь весеннюю — над тополями
Русских сел и русских городов

Ты восходишь, наш покров незримый,
Матерь Божия. Любви Твоей
Над землею, некогда любимой,
Милость драгоценную пролей.

Дни проходят, тишиной томимы,
Гибели и смерти нет конца;
Ты, Которой служат серафимы,
Ты, Которой служат все сердца,

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к стране моей прийди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

II

Только гибель и воспоминанье...
Ясны сумерки. Гроза прошла.
За рекой на дальнем расстояньи
В городе звонят колокола.

Гулкий, смутный звон средневековый.
И, как в детстве, в церкви на стене
Пальцем мне грозит старик суровый
И святой Георгий на коне

Топчет разъяренного дракона.
И звучат в душе, звучат слова —
Строфы покаянного канона
О тщете земного естества,

О бесстрастии, об одоленьи
Духа злобы, о грехе моем —
Темном, тайном, данном от рожденья —
Страшно быть с душой своей вдвоем.

. . . .

Раненый, в Ростове, в час бессонный,
На больничной койке, в смертный час,
Тихий, лучший, светлый, примиренный,
До рассвета не смыкая глаз,

Я лежал. Звезда в окно светила.
И, сквозь бред, постель оправить мне,
Женщина чужая подходила,
Ложечкой звенела в тишине.

III

Матерь Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста,

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему,
Я молюсь — и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к душе моей прийди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

СТИХИ О ГРАНИЦЕ

1

Бьется челнок одинокий
Времени в ткацком станке,
Ветер шумит на востоке,
Тучи идут налегке.

И в облаках, искушая
Смелостью гибельный рок,
Птичья летящая стая
Ищет пути на восток,

Смотрит в пространство пустое:
Неодолимо оно.
Сердце мое слюдяное,
Бедное светом окно!

2

Хмуро надвинув наличник,
Путь часовой сторожит.
Мимо столбов пограничных
Заяц не пробежит.

Зверю и человеку:
— «Стой!» — сиянье штыка.
Ветер сухой через реку
Низко несет облака.

В снежную русскую вьюгу,
В зимнюю трудную мглу,
Брату родному, другу:
— «Стой! Пропустить не могу!»

3

Ветром холодным снежным...
— Бьется шинель на ветру...
Снегом пушистым, нежным...
— Ближе к огню, к шатру...

И над полями пустыми
Громче, все громче, ясней,
Слышится чудное имя
Будущей славы твоей.

4

Россия! С тоской невозможной
Я новую вижу звезду —
Меч гибели, вложенный в ножны,
Погасшую в братьях вражду.

Люблю тебя, проклинаю,
Ищу, теряю в тоске,
И снова тебя заклинаю
На страшном твоем языке.

Моей жене

МУЗА

1

В Крыму так ярко позднею весною
На рейде зажигаются огни.
Моя подруга с русою косою
Над атласом склонялась в эти дни.

Шли корабли в морской воде соленой,
Весь мир следил за ходом кораблей;
Над темной бездной, над волной зеленой
Неслась надежда родины моей.

А девочке с глазами голубыми
И мальчику — тревога без конца:
Мечтали мы над картами морскими
И звонко бились детские сердца.

Потом — в дыму, в огне, в беде, в позоре,
С разбитых башен русский флаг спадал —
И опускалась и тонула в море
Моя любовь среди Цусимских скал.

2

Ты помнишь вьюгу, суету вокзала,
И эту ночь, похожую на ад,
Когда в столице пушка грохотала
И выстрелы гремели с баррикад?

Ты помнишь путь — сугробы ледяные,
Палящий юг и в бухте корабли,
И ту, что стала знаменьем России,
Полоску исчезающей земли?

3

Флаг развевался — хищный, дерзкий, смелый
Над Францией, униженной войной,
И радио, безумное, хрипело,
Фанфары выли в комнате пустой.

А ты с узлом в дверях тюрьмы стояла,
Ты мерзла в очереди под дождем,
Но восходило чудное начало
Звездой рождественской в снегу чужом.

Как в детстве, наклонялись мы с тобою
Над картой, — мы б не расставались с ней.
Спи, милая, с моею сединою,
Спи, милая, с любовию моей.

Ты можешь видеть чудные виденья,
Как потонувший Китеж под водой:
Пространства нет и нет разъединенья,
Нет лишних лет, страна моя со мной.

Туман над затемненною Москвою,
В кольцо осады сжатый Ленинград,
Мой древний Крым — они перед тобою,
Они с тобой, как много лет назад.

4

Земля моя, за каменной стеною,
За крепким частоколом — не пройти:
Любить всю жизнь любовию одною —
И вновь — не Ты, и нет к Тебе пути!

Склонись опять над картой, с затрудненьем
Ищи слова, знакомые слова;
Ты, девочка моя, скажи с волненьем:
«Владивосток». «Орел». «Казань». «Москва».

Задумайся о славе, о свободе
И, как предвестье будущей зари,
О русской музе, о родном народе,
Поэтов русских строфы повтори.

СОДЕРЖАНИЕ